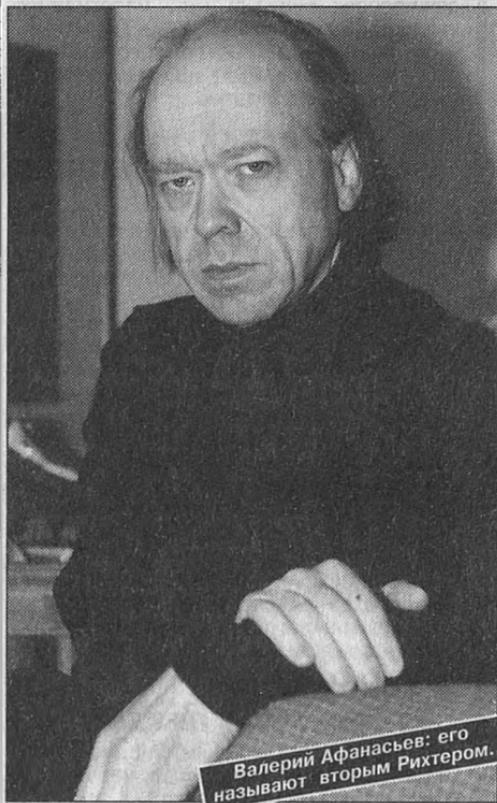

РУССКИЙ ПИАНИСТ В ПОИСКАХ ИЗОЛЬДЫ

Валерий Афанасьев: его называют вторым Рихтером.

Известный русский пианист Валерий Афанасьев покинул СССР в 1974 году. Теперь он живет во Франции недалеко от Версаля. Дает 25—30 концертов в год. При этом считает себя больше литератором, чем музыкантом: им написано 9 романов, много стихов, эссе. В нем парадоксально сочетаются мудрость и самоирония, искренность и типичный для европейца антиамериканский настрой. В Москве Афанасьев бывает редко. Однако буквально на днях он дал необычный и успешный концерт в Большом зале консерватории с оркестром музыкального училища при консерватории — практически с детским оркестром. Чего многие знаменитости у нас не делают.

— Я не слежу за каким-то шаблоном, предписывающим, с кем мне следует играть, а с кем не следует. Мне было очень приятно играть со студентами училища, с моим другом детства дирижером Анатолием Левиным. Ведь и в музыке существуют человеческие отношения. А молодые артисты так нуждаются в стальных руках. Я говорил им на репетициях о высоких и серьезных вещах именно для того, чтобы открыть перед ними невероятную перспективу.

— Вы посоветовали бы ребятам, с которыми вы играли, по вашему примеру уехать из страны?

— А я не знаю, хорошо ли я сделал, когда уехал. Правда, не уехав, я бы никогда не стал писателем, не стал бы писать романы по-английски или по-французски. Но я опирался на ошибочное суждение о Советском Союзе: все, что здесь делается, это плохо. Только гораздо позже я понял, что Москва была в 60-е годы центром музыкальной культуры. Ни Лондон, как мы воображали, ни Париж, ни Нью-Йорк, а именно Москва. Тогда в Москве жили те композиторы, которых сейчас играют во всем мире больше других. То же относится к художникам, к писателям, поэтам. Знаменитый критик Джордж Стайнер написал в 1981 году об американцах, что они создали цивилизацию серости, а вот в России — идет непрерывный поток великих писателей. Если бы я прочитал это в начале 70-х годов, когда уезжал из СССР, я бы подумал, что пишущий — сумасшедший, а теперь я понимаю, что так оно и есть. И Солженицын искренно считал, что "на Западе соревнуются таланты". Теперь-то мы знаем, что все это чулуха. "Нью-Йорк Таймс" — та же "Правда". И цензура там гораздо жестче, чем была в СССР, где режим далеко не все контролировал. Вообще сила КГБ слишком преувеличена. Достаточно вспомнить, как я бежал и как меня проворонили.

— А как это случилось?

— Во-первых, меня легкомысленно выпустили в Бельгию через полгода после предыдущей поездки, хотя по существовавшим правилам в одну и ту же страну можно было въехать только через год. Кроме того, у меня в СССР не оставалось никаких родственников, а обычно КГБ использовало систему "заложников". И наконец, в самой Бельгии я беспрепятственно пошел в ООН, чтобы попросить политического убежища. На вопрос "почему я решил покинуть Родину" ответил, что хочу свободно путешествовать и, например, пойти на выставку Кандинского в Лондоне. Офицер ООН на меня посмотрел, как на пьлу, вероятно, решив, что я сумасшедший. Тут я испугался и стал выдвигать другие доводы. Понадо-

билось три часа, чтобы переубедить этого офицера. И потом, когда я уже практически сбежал, никто ничего не подозревал — ни посол, ни представители КГБ, даже мой багаж был привезен в аэропорт.

— Сейчас многие предвещают возврат старых кагэбэшных методов. Как вы относитесь к истории с телеканалом НТВ?

— Возможно, я не совсем в курсе событий. Но помните, как Ахматова сказала, узнав об аресте Бродского: "Какую карьеру делают рыжему!" Я бы и не знал ничего об НТВ, если бы не этот скандал. Самое страшное, когда вас не замечают, задигают. Есть такое понятие "сфабрикованное согласие" и еще "промывание мозгов". Вы здесь думаете, что в СССР промывали мозги. Ничего подобного. Нам промывали языки, руки — мы их поднимали, когда требовалось, но при этом мы оставались при собственных мозгах и при своем мнении. А вот в Штатах на самом деле осуществляется промывание мозгов. Потому что там не только говорят, но и думают в соответствии со "сфабрикованным согласием".

— У вас две профессии — музыка и литература. Что на первом месте?

— Скорее литература. Я даю мало концертов, потому что сижу за компьютером по 8—12 часов в день. И если я пишу, то могу не садиться за рояль по 2—3 месяца.

— Ваши любимые композиторы?

— Бетховен, Брамс, Шуберт, Моцарт. Из композиторов XX века — Шенберг, Стравинский. Сейчас я очень увлечен Канчели и хочу играть его произведения. Его музыка медленная и грустная, она мне очень подходит. Я считаю, что меланхолия — самое благородное человеческое чувство.

— А как бы вы определили ваше место в литературе?

— Я считаю себя плохим писателем начала XX века. Ведь это был высший этап в развитии мировой литературы. По внутреннему мышлению мне близки Роберт Музиль, Джойс, Пруст.

— О чем ваш последний роман?

— Он называется "Тристан на земле". Инопланетянин прилетает на Землю в поисках чувства любви — банальная история... Он ищет Изольду — символ любви. И в этих поисках он пытается пройти путем литературных героев — ложится на рельсы, как Анна Каренина. Имитирует ситуации из "Красного и черного". Пытается, как тургеневский Инсаров из "Накануне", стать борцом за свободу. Там есть иллюзии и с "Джейн Эйр", и с "Ромео и Джульеттой", и с "Вертером". Герой пробует себя в эпистолярном жанре, но и здесь терпит поражение. Параллельно существует другой герой — русский писатель, который пишет обо всем этом. Это как бы я. У писателя была женщина, которую он полюбил только после ее смерти. Писатель пытается воскресить Изольду, и все кончается сумасшедшим домом. И это не случайно: герой переживает, что он уехал из России, как трус. Он не был гоним, его не преследовали, не сажали в психушку. Он уехал только потому, что хотел хорошо пожить. И его компьютер предъявляет ему все эти обвинения. Психушка в финале становится своеобразным признанием Писателя как личности.

— И кто вас читает?

— Никто, может быть, 800 экземпляров было куплено.

— А Изольда есть у вас? Или вы ее ищете, как Тристан?

— Да, я ищу Изольду, ищу истину, занимаюсь бесполезными вещами.

— Какими, кроме литературы?

— Я серьезно интересуюсь вином, коллекционирую его. У меня три винных погреба. Кража вина — это самая популярная во Франции кража. Поэтому лучше вино я держу в квартире, и, чтобы его украсть, меня надо убить. Моя коллекция пополняется — я что-то продаю из более нового, старое покупаю, что-то пью. После 1961 года пошла деградация — опять-таки из-за американцев. Потому что они считают, что осадок — это плохо, что это микробы, и требуют, чтобы вино фильтровалось. На самом деле фильтровать вино нельзя, а осадок — это признак здоровья вина.

— Вы заняты бесполезными вещами, но при этом ведете вполне буржуазный образ жизни?

— Мои материальные запросы скромны. У меня большая квартира, потому что мне нужно где-то ставить книги и рояль. Я люблю старинную мебель. А вот машина у меня обычная — Audi, я вообще равнодушен к автомобилям. Вино — тоже источник моих расходов. Я хожу в рестораны — есть пять ресторанов в Париже, где подают хорошие вина и готовят хорошо. Самый лучший из них, пожалуй, "Гарньер" — на rue Балзак рядом с Триумфальной аркой.

— Что планируете в ближайшем будущем?

— Собираюсь провести небольшой фестиваль Брамса в Токио. Затем играю концерты Бетховена в Зальцбурге. В Москве планирую дать концерт памяти Гилельса, но это уже в будущем сезоне. А литературные планы связаны с поэзией и эссе. Романов я больше писать не буду.

Екатерина КРЕТОВА.

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

Москва как романсы — до 1991 года